Валентин Пикуль

«Вечный мир» Яна Собеского

Часть сборника
Кровь, слезы и лавры. Исторические миниатюры

Кровь, слезы и лавры

Валентин Пикуль

«Вечный мир» Яна Собеского

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

«Вечный мир» Яна Собеского / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», — (Кровь, слезы и лавры)

«Летний сад в Ленинграде – не до конца прочитанная книга истории. Конечно, многое нам известно, но чаще мы блуждаем в аллеях, даже не вникнув в символику тех скульптур, что расставлены в саду задолго до нас, дабы потомки призадумались…»

© Пикуль В. С.
© ВЕЧЕ

Валентин Пикуль
«Вечный мир» Яна Собеского

Летний сад в Ленинграде – не до конца прочитанная книга истории. Конечно, многое нам известно, но чаще мы блуждаем в аллеях, даже не вникнув в символику тех скульптур, что расставлены в саду задолго до нас, дабы потомки призадумались.

Здесь мы встретим и бюст Яна Собеского, а подле него королеву Марию-Казимиру, прозванную Марысинкой. Среди городского шума, окруженные новой и чуждой для них жизнью, они глядят на нас из былого, в котором все было другим, все было иначе, да и этого города на Неве не существовало…

В 1986 году исполнилось 300-летие с того времени, когда Ян Собеский утвердил «вечный мир» Польши с Россией. Кажется, это достаточный повод, чтобы помянуть героя былой эпохи и ту его любовь, которая достойна нашей памяти.

Европа считала поляков самым воинственным народом. Почти не ведая передышек от войн, польские рыцари умели спать на голой земле, намотав на руки поводья боевых коней, чтобы ринуться в новую битву по первому сигналу трубы. Ведя генеалогию от дикого племени сарматов, они порою и вели себя подобно скифам… Речь Посполитая жила еще в дремучих лесах; волки, медведи и злобные рыси стерегли неосторожного путника. Паны измеряли время водяными часами – «клепсидрами». На дворах усадеб паслись фазаны, гагакали жирные гуси. Шляхта щеголяла в жупанах и кунтушах, стойко удерживалась древняя мода на меха (лисьи, куньи, собольи), а мещане носили шубы из шкур волчьих. Молодые паненки украшали прически венками из свежих роз. Ясновельможные славились скандалами, буйством, обжорством и пьянством. Садились за стол утром и падали под стол к ночи. Пили из особых «кулявок» (бокалов без ножек), которые невозможно поставить, прежде не опорожнив. По усам панов текли меды волынские, золотистый дубняк и рыжая свирепая старка. Со времен королевы Боны Сфорца поляки тяготели к Италии и потому, сказав фразу по-польски, считали своим долгом украсить ее латинской цитатой.

– Польша сильна рокошами! – орали задиры…

Страна изнемогла от «рокошей» (раздоров шляхетских), ее «кресы» (окраины) были истерзаны набегами османлисов и кочевников, а Версаль навязывал полякам своих королей и королев. Герцог Анжуйский, сын Екатерины Медичи, уже «потаскал» корону Пястов, бежав из Польши ночью, как воришка из чужого дома; Владислав IV взял в жены Марию Гонзаго, дочь герцога Наваррского; живописцы изображали эту даму сидящей у ворот Варшавы на барабане, она руководила стрельбой из пушек… Если раньше шляхтич набирался знаний у профессоров Болоньи иль Падуи, теперь его приманивали соблазны Парижа, откуда он возвращался в Краковию или Мазовию, отягощенный париком, долгами и сплетнями.

Ян Собеский тоже провел молодость в Париже, но средь множества развлечений усердно штудировал Паскаля и Декарта; в особой «красной гвардии» Людовика XIV он служил вместе с великим пересмешником Сирано де Бержераком… На родине он, богатый и знатный, сразу стал коронным хорунжим. Польша отстаивала свои «кресы» от шведов, пруссаков и крымцев, в каждой из битв она восхваляла молодого Яна Собеского.

Европа нарекла Собеского именем «Гроза турок»:

Он воевал и с русскими, которых уважал:

– Видя их обширные косматые бороды, я невольно испытываю почтение, будто мне встретились мои же предки…

Против него отважно сражался киевский воевода Василий Шереметев, о доблести которого знали в Париже и Вене. Когда же ляхи предательски выдали его татарам, один лишь Собеский, благородно-возмущенный, вступился за своего противника:

– Нельзя делать того! Я сейчас подниму свои хорунжи, весь регимент приведу в лагерь князя Барятинского, вместе с русскими врежусь в татар, дабы избавить Шереметева от плена!

Из рук коронного хорунжего выбили саблю:

– Стоит ли твоя слава жизни одного москаля? Эй, хлопы, не спите! Налейте ему еще одну кулявку…

Собеский не был женат. А когда Мария Гонзаго покидала Францию ради польской короны, она вывезла в Варшаву девочку, дочь гувернантки, по имени Мария Гранж д'Аркьен, обещая матери устроить ее судьбу. Вряд ли королева думала, что безвестная девчонка, воплощенная в каррарском мраморе, будет потом красоваться в парке русской столицы… Собеский встретил ее, когда она была женою сандомирского воеводы Яна Замойского.

Собеский в ту пору назывался уже гетманом. Он предстал перед женщиной в обличье «homo militaris» (военного человека). Грудь воина покрывала жесткая карацена – кольчуга, как у древнего римлянина; длинный плащ из пунцового бархата широко стекал с могучего плеча, словно струя горного водопада…

Глаза Марысинки вспыхнули – почти алчно.

– Люди не лгут, – сказала она, кокетничая. – Вы совершенны во всем, как совершенна и ваша отчизна, от которой уже нельзя ничего убавить, но вряд ли стоит что-либо добавлять…

Библиотека Собеского считалась тогда лучшей в Варшаве, о ней ходила молва во всех образованных странах Европы.

– Однако, – отвечал он красавице, – жизнь любого мужчины похожа на библиотеку, в которой всегда будет недоставать одного тома – самого редкостного… Счастлив же пан Замойский, слабыми пальцами перелистывая такую прекрасную книгу!

Марысинка была умна: она сразу все поняла.

– Не мучайся сам и не мучай меня, – шептала она гетману наедине, – мой воевода уже стар, нам недолго до счастья…

Любовники переписывались, как изощренные шпионы: тайным шифром. Собеский и Марысинка оставили для потомков ценнейший эпистолярный памятник эпохи, в котором виден человек того сумбурного века – с его страстями и подозрениями, с его знаниями и пределами этих знаний. Отныне в жизни Собеского не было такого момента, когда бы он не думал о своей Марысинке. Он повергал врагов отчизны с ее именем на устах. Кратко изложив перипетии минувшей битвы, израненный, он писал: «Ну, довольно этих пустяков, как мои раны…» – и далее изливал на женщину каскады горячей, нетерпеливой нежности. Сандомирский воевода еще не умер, когда Ян Собеский тайно обручился с его женою!

Русь в ту пору переживала тяжкие времена: измены гетманов на Украине, бунты казаков на Дону заставили ее поспешить с миром. Русские удержали за собою Смоленск, Новгород-Северский, Чернигов и Заднепровье, по договору в Андрусове они обещали полякам вернуть им Киев через два года…

– Нельзя верить москалям! – негодовали ляхи.

Чело гетмана избороздили морщины печальных раздумий:

– Поляки, как и москали, имеют общего врага – это султаны турецкие, это ханы крымские… Если разобщить усилия Москвы и Варшавы, наши древние храмы станут мечетями, а наши прекрасные жены будут загублены в заточении гаремов…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.